

Книжная полка

УДК 327.39(=81)

DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-163-167

Феноменология панславизма:
рождение и эволюция идеи славянского единства
Рецензия на книгу: *Павленко О.В.* Панславизм реальный
и воображаемый: 1830–1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с.

Велихан С. Мирзеханов
*Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия,
lum62@yandex.ru*

Для цитирования: Мирзеханов В.С. Феноменология панславизма: рождение и эволюция идеи славянского единства: [Рец.] Павленко О.В. Панславизм реальный и воображаемый: 1830–1860-е гг. М.: РГГУ, 2023. 404 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2024. № 2. С. 163–167. DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-163-167

Phenomenology of Pan-Slavism:
the birth and evolution of the idea of Slavic unity
Book review: *Pavlenko O.V.* Panslavism. Real and Imaginary.
1830–1860s. Moscow: RSUH, 2023. 404 p.

Velikhan S. Mirzekhanov
*Institute of World History of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, lum62@yandex.ru*

For citation: Mirzekhanov, V.S. (2024), “Phenomenology of Pan-Slavism: the birth and evolution of the idea of Slavic unity. [Book review] Pavlenko O.V. Panslavism. Real and Imaginary. 1830–1860s. Moscow: RSUH, 2023. 404 p.”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 2, pp. 163–167, DOI: 10.28995/2073-6339-2024-2-163-167

Термин «панславизм» впервые появился в грамматике словака Яна Геркеля, изданной в Буде в 1826 г. Тогда под ним понимался некий код культурного единства австрийских славян. Но уже вскоре

© Мирзеханов В.С., 2024

термин начал наполняться новым содержанием, а впоследствии, вплоть до наших дней, проделал еще немало интеллектуальных метаморфоз. Трудно не согласиться с мнением, что для историков до сих пор крайне трудно выстроить четкие объяснительные конструкции к теме «Россия и славянство» (с. 337). Тем не менее О.В. Павленко сделала такую попытку, и сделала ее, как представляется, в полной мере успешно.

Первая глава книги посвящена вопросам изучения славянского фактора (причем не только с точки зрения панславистской концепции) в российской и зарубежной историографии. Такой подход кажется в полной мере оправданным, ведь указанной проблематике уже посвящено бесчисленное количество исследований самых разных направлений. Это обстоятельство требует строгого историографического структурирования, дабы ясно обозначить актуальные исследовательские направления. Автор книги прекрасно справляется с этой сложной задачей. Она выделяет главные проблемы и затем всесторонне рассматривает их. К таковым относится, например, дискуссия о причинах кризиса Австро-Венгрии и роли славянского фактора в этом процессе. Что касается зарубежных национальных историографий, то вполне оправданно сделан упор на разбор чешской и словацкой исторической традиции, представители которой оставили едва ли не самый заметный след в осмыслении проблем панславизма. Естественно, что автор детально рассматривает российскую дореволюционную, советскую и современную отечественную историографии. И в этом тоже есть своя глубинная логика, связанная не только с тем, что исследование создано российским автором, в России и опубликовано на русском языке. Именно опыт отечественной историографии наглядно демонстрирует серьезное воздействие на концепции славянского единства идеологии и политики. Потому отнюдь не случайным является глубокий экскурс в советскую марксистскую историографию, которая в 1920 – первой половине 1930-х гг. жестко критиковали и Австро-Венгерскую империю как «тюрьму народов», и панславизм. Последний виделся орудием царской России в деле подчинения всех славянских народов. Однако уже вскоре советская историография сделала резкий разворот и попыталась использовать конструкты идеи славянского единства, что ярко проявилось в период Великой Отечественной войны и в первые годы после ее окончания.

Нельзя не отметить стремление автора книги критически рассмотреть современное историографическое состояние изучаемой проблемы. Справедливо отмечено, что в настоящее время сделан поворот в сторону новой модели изучения феномена пан-

славизма. В то же время О.В. Павленко оправданно указала на спад интереса к славянским исследованиям и в России, и за рубежом: «славянство потеряло свою актуальность в новых интерпретациях европейской истории и истории регионов» (с. 338). Но важность оценки современной историографической ситуации, предпринятая в рецензируемой книге, несомненна, ибо сегодня мы снова наблюдаем вторжение политики и идеологии в исследовательскую сферу. Это хорошо видно, например, по работам американского исследователя Тимоти Снайдера, стремящегося представить Россию историческим врагом Центральной и Восточной Европы, но при этом зачастую обходящегося в своих книгах без ссылок на какие-либо исторические источники.

Вторая глава книги посвящена возникновению феномена панславизма в Австрийской и Российской империях в 1830–1840-е гг. О.В. Павленко прекрасно ориентируется в сложных реалиях международных отношений того периода, без чего трудно понять феномен славянского вопроса. По этой причине вполне оправданным выглядит экскурс в историю Священного союза и Венской системы международных отношений, а также российско-австрийских отношений, к которым автор книги умело применила метафору о «розах, в которых полно шипов».

Говоря о зарождении идеологии панславизма, О.В. Павленко не могла обойти стороной фигуру Яна Коллара, чей трактат «О славянской взаимности» (1837) был назван современниками «славянским Евангелием». Как отмечает автор книги, «аллегория панславизма, созданная Колларом, неоднократно воспроизводилась в программах славянских партий и общественных движений, превратилась в их политическое кредо» (с. 154).

Большое внимание в главе отводится различным проектам конструирования региональной идентичности в Австрийской империи, в том числе на фоне революции 1848–1849 гг. В этой связи интересна авторская ремарка, что богемское дворянство «готово было оказывать покровительство патриотическим силам только до тех пор, пока патриотические настроения не выходили за пределы земского богемизма» (с. 184). Вообще анализ понятия «богемизм», введенного некогда иезуитом Б. Больцано, можно признать в числе явных успехов автора монографии. О.В. Павленко приходит к выводу, что зарождение пангерманизма и панславизма окончательно раскололи богемскую общинность. Заслуживает внимания предпринятое автором книги осмысление пражской городской идентичности, а также вывод о том, что в формировании чешской коллективной идентичности соединились две тенденции – буржуазная, которая была ориентирована на либерализацию и демокра-

тизацию, и консервативная, которая была связана с консервативными ценностями (с. 166).

Третья глава монографии анализирует славянский фактор в процессе формирования коллективной идентичности и внешней политики Российской империи и Габсбургской монархии в 1850–1860-е гг. Снова акцент делается на внешнеполитических факторах развития славянского движения, а именно на последствиях Крымской войны для российско-австрийских отношений, изменении баланса сил в Европе в 1860-е гг., проекты Наполеона III и др. В этот период происходил процесс самоопределения российского общества в условиях новых реалий и на фоне травмы военного поражения. Эти размышления были связаны в том числе с вопросом о судьбах славянства. Трудно не согласиться с авторской ремаркой, что панславистские мечтания М.П. Погодина и Ф.И. Тютчева в ту пору были сильно оторваны от реальности, но этот отрыв был своего рода компенсацией за унижительное поражение в Крымской войне (с. 250–251). Таким образом, можно еще раз засвидетельствовать, что большим достижением О.В. Павленко стало рассмотрение панславизма не просто как общественно-политического течения, родившегося в интеллектуальной среде, но как важного фактора международных отношений. Это не просто философская и культурологическая, но и геополитическая концепция. В этой связи интересен раздел об эволюции имперского панславизма в России в эпоху Александра II. При этом О.В. Павленко ставит задачу структурировать эту идеологию и ее представителей, сделав упор на анализ радикальной версии панславизма в отечественной политической мысли. Именно эта версия панславизма зачастую характеризовалась в историографии как экспансионистская и реакционная. Автором был сделан вывод, что именно в 1850–1860-е гг. славянский фактор стал «оказывать значительное влияние на формирование официальных и общественных дискурсов в России» (с. 328). Это отразилось и на смене вех российской внешней политики, поворотным моментом стал Славянский съезд 1867 г. в Москве. При этом, как отмечает О.В. Павленко, речь не идет о «сращивании имперского панславизма с петербургской дипломатией» (с. 336). Для российской внешней политики игра в панславизм оказалась необходима, чтобы держать в напряжении Австрию. Славянский фактор, вопреки распространявшемуся в Европе мнению о природном экспансионизме, был всего лишь инструментом отстаивания национальных интересов в условиях изменения баланса сил на международной арене.

Следует отметить, что книга основана на обширном эмпирическом материале. Это не только уже опубликованные источники

(к слову, О.В. Павленко проделала колоссальную работу по анализу чешской периодической печати), но также архивные материалы. Автором были использованы документы Архива внешней политики Российской империи, Отдела рукописей Российской национальной библиотеки, Российского государственного архива литературы и искусства, Российского государственного исторического архива, Архива Национального музея в Праге, Литературного архива Музея национальной литературы в Праге, Австрийского государственного архива, Национального архива Венгрии.

Таким образом, книга О.В. Павленко является серьезным вкладом в изучение феномена идеи славянского единства в контексте сложной истории международных отношений и интеллектуальных трансферов 1830–1860-х гг. Этот, вне всякого сомнения, фундаментальный научный труд вносит много нового в понимание, казалось бы, уже известных вопросов, в нем ставятся новые исследовательские задачи и успешно находится их решение.

Информация об авторе

Велихан С. Мирзеханов, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; 119334, Москва, Россия, Ленинский пр-т, д. 32а; lum62@yandex.ru

Information about the author

Velikhan S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 32a, Leningradsky Av., Moscow, Russia, 119334; lum62@yandex.ru